

НЕОБДУМАННЫЙ ПРОЦЕСС

Немецкие селения Камышинского уезда в настоящее время возбуждают громадный процесс с городом Камышином и казной о праве собственности немецких поселений на 70.000 десятин земли из выгона г. Камышина и казенных земель, когда-то нарезанных немцам для заселений.

Для этой цели от каждого заинтересованного селения выбирается уполномоченный на общий съезд, где будут выбраны общие уполномоченные на ведение этого дела в судебных инстанциях. Кто не знает, сколько волнений, тревог, споров и толков возбуждает всякий земельный процесс в крестьянском быту! Это – самое слабое и больное место крестьянина; при малоземелье крестьяне часто верят самым безрассудным толкам о их праве на землю и вчиняют иногда такие иски, которые положительно не имеют под собой почвы. Собираются деньги на возбуждение дела в суде, уполномоченными делаются громадные расходы на поездки, на наем поверенных; затем дело проигрывается, и с крестьян взыскивают десятки тысяч рублей судебных издержек.

Иск немецких поселений простирается до 2.000.000 руб. и на случай проигрыша с обществ присудят 150–200.000 руб. одних судебных издержек. Это обстоятельство наши немецкие общества не могут не принять во внимание при возбуждении своего иска.

Занимаясь более 10 лет изучением истории наших колоний, столь мало разработанной и исследованной и, к сожалению, менее всего знакомой самим нашим немцам, и исследовав это дело по историческим документам, законоположениям и архивным актам, я считаю себя компетентным заявить, что затеваемый нашими немцами процесс не имеет под собой законной почвы.

Я считаю нужным для разъяснения дела ознакомить читателей с наделением земель наших поселян-собственников, бывших колонистов, с самого начала их заселения в России, с указанием актов и законоположений, на которых опираются право на землю поселян-собственников и их настоящие заблуждения. Не имея возможности фактически вмешаться в это дело, так как к сословию поселян-собственников более не принадлежу, перечислившись в казачье сословие, и в виду большого местного интереса, который может иметь эта статья, я нравственно считаю себя обязанным

посвятить ее общественному вниманию: быть может, она вызовет обмен мыслей, который в данном случае, кроме пользы для дела, ничего не принесет.

Манифестами императрицы Екатерины II 1762-1763 гг. из Германии вызывались желающие заселить Нижнее Поволжье; а чтобы вызов этот имел успех, будущим колонистам давались всевозможные временные льготы и полное право гражданства в России; окончательное водворение колонистов производилось на основании манифеста от 22 июля 1763 г., по которому (пункт 6) «всем иностранцам, прибывшим на поселение в Россию, учинено будет всякое вспоможение и удовольствие; склонным к хлебопашеству ...не только достаточное число отведено способных и выгодных к тому земель, но и всякое потребное сделано будет вспоможение по мере каждого состояния», и, наконец (п. 10): «ежели же некоторые из чужестранных, желающих на поселение в Россию, по каким особливым причинам еще других сверх предписанных кондиций и привилегий востребууют, то о том могут они в учрежденную нашу канцелярию опекуинства иностранных, письменно или персонально, адресоваться... и мы тогда, по обращению обстоятельств, толь склоннее решение учиним, какого они от нашего правосудия надеяться могут...».

В виду неопределенности и неполноты 6 пункта о наделении землей, отдельные категории переселенцев, пользуясь 10 п. манифеста, входили в особые соглашения с правительством, которое отводило им, как, например, колонии Сарепте и менонитам Самарской губ., земли на особых началах в увеличенном размере. Между тем колонисты Камышинского уезда в особые соглашения с правительством относительно наделения их землей не входили, довольствуясь 6 пун. манифеста, по которому отводилось им «способных и выгодных к хлебопашеству земель в достаточном числе»; в виду этого правительство по указу 19 марта 1764 г. определило: «дать земли каждой семье особо, независимо от числа состоящих в ней душ по 30 десятин, полагая 15 дес. пашенной, 5 дес. сенокосной, 5 дес. лесных угодий и 5 дес. усадебной, гуменной, огородной и выгонной»; наделы колонистам отводили каждой колонии особо, «оставляя впусе некоторую часть как из пашенной земли, так и из прочих угодий для будущих детей, дабы оные, пришедши в возраст и женясь, сами хозяевами быть могли».

Вскоре, однако, киргиз-кайсаками и шайками Пугачева были разрушены до основания целые колонии, которые более не возобновлялись, и колонисты переходили на другие места, образовали новые колонии или селились в другие менее опасные колонии и, таким образом, совершенно перепутали те земельные отношения, которые установлены первоначальными наделами. Отсюда вытекала масса жалоб и просьбы о равномерном распределении надела по видоизменившимся колониям. В виду этого и так как правительство не было стеснено особыми договорами с этими колонистами, оно сочло возможным и нужным изменить свой первоначальный взгляд на способ наделения землей и при предпринятом в 1797 году генеральном межевании, на основании указа 30 июня 1797 года, подчинив колонистов общинному порядку пользования землей, определило нормальный надел в 20 дес. на душу V ревизии, затем, при увеличении населения, по указу 12 марта 1840 г. уменьшило его до 15 дес. на душу VIII ревизии, нарезав недостающую землю из выгонной земли г. Камышина и из свободных казенных земель Новоузенского уезда с тем, чтобы колонии, не имеющие достаточного количества земли, делали коренные выселения на вновь отведенные земли.

Таким-то путем образовались с 1850 до 1853 г. Илавлинская волость, Камышинского у., на 31.057 дес. удобной земли из камышинского выгона, и с 1848 до 1871 г. волости Торгунская, Бизюкская, Нижне- и Верхне-Ерусланская и Караманская Новоузенского у. на 272.752,4 дес. казенной земли.

Обращаясь затем к позднейшим узаконениям, нормировавшим надел колонистов, мы видим, что и сам закон не мог определить положительного количества; ст. 155 устава о колониях (т. XII, ч. II, изд. 1857 г.) гласит: «колонистам наделяются от казны участки земли в количестве, сообразном с заключенными при их поселении условиями», а в примечании к ней указана и норма для каждой отдельной категории колонистов, с указанием на договоры с ними; в примечании к 158 ст. того же устава эта норма для саратовских колонистов и определена в 15 дес. на душу VIII ревизии.

Таким образом, наши саратовские колонисты, не выговорив себе при самом заселении точно определенного количества наделной земли, не вправе были предъявлять каких-либо положительных требований о наделении их землей; тем не менее, правительство

отзывчиво относилось к земельным нуждам саратовских колонистов и удовлетворяло их землей всегда в достаточном количестве.

Насколько количество это было достаточно, видно из того, что еще в 20-х годах нынешнего столетия немцы пахали «вольницу» и притом лишь те земли, которые прилегали к колониям, — остальные дальние участки не распахивались вовсе¹, и что масса отведенных колонистам в надел земель (60.735,1 дес. в одном лишь Новоузенском у.) оставалась незаселенной в течение целых десятилетий, в продолжение которых они сдавались ими в аренду.

Ввиду этих обстоятельств, когда, наконец, правительство решилось вывести колонистов из их изолированного положения и подчинить их общим законам Империи, то на основании «Высочайше утвержденных 4 июля 1871 года правил об устройстве поселян собственников (бывших колонистов)» отведенные колонистам, но еще не заселенные ими земли отошли в свободные казенные земли. Хотя по этим правилам отобранные земли и отводятся в надел предпочтительно поселянам собственникам, но это еще не доказывает их безусловного права на нее, а если бы это право, наконец, и существовало у немцев, то они пропустили почти три земских давности, и всякая попытка восстановить на нее свои воображаемые или действительные права является с юридической стороны неразумной.

Возбудить иск немца, конечно, никто не возбраняет, но нельзя не напомнить им, что в 70-х годах они вели уже подобный процесс, имевший несравненно больше оснований, но кончившийся весьма для них неблагоприятно. Дело в том, что в 1871 году, при упразднении собственного управления колоний, а с тем вместе и саратовской конторы иностранных поселенцев, перешли почему-то в казну дом колонистов в Саратове на углу Немецкой и Никольской ул. (где управление гос. имуществ) с громадным дворовым местом, на котором строится помещение для музыкальных классов, и деньги их, составляющие, как выражается в своем отчете Саратовская контора иностранных поселенцев², неотъемлемую собственность колонистских обществ, заботливостью которых они накоплены и составившиеся из: 1) мирских сборов 35.298 руб. 80 $\frac{3}{4}$ коп.; 2) отдачи в арендное содержание отведенных в надел, но еще не

¹ Сборник стат. сведений по Камышинскому у. (изд. губ. земства 1891 г.) стр. 142 и 143.

² Памятная книжка Саратовской губ. на 1872 г. (изд. стат. комитета), стр. 145 и 146.

заселенных земель в Новоузенском уезде 382.073 руб. 68 ³/₄ коп., и 3) от отдачи в оброчное содержание незаселенного участка из бывших выгонных земель г. Камышина, отведенных в надел колонистам Саратовской губ., 11.882 руб. 19 коп., а всего 429.254 руб. 68 ¹/₂ коп.

Подробности этого дела мне неизвестны; помню лишь, что какой-то из бывших чиновников конторы, переведенный после в министерство внутренних дел (это был г-н Клаус, автор книги «Наши колонии»), писал из Петербурга, что конторские деньги отобраны у нас неправильно и что следует подать в суд; толкам и пересуда не было конца... Наконец, были также выбраны от каждой волости уполномоченные, которые на общем съезде в Саратове под председательством старшего чиновника особых поручений при губернаторе, г-на Воскобойникова, выбрали общего уполномоченного. Дело было передано князю Урусову, но в суде проиграно, и с немцев взыскали громадную сумму судебных издержек. Этому событию среди немцев есть еще живые свидетели, и дело должно быть хорошо известно бывшему члену Камышинской земской управы г-ну Леонгарту, который состоял уполномоченным немецких поселений.

Ввиду всего сказанного, не могу не предостеречь своих соплеменников и не призвать их к благоразумию: пусть наведут сперва верные справки, пусть обратятся к совету присяжных поверенных и, лишь заручившись верными и неопровержимыми доказательствами и основаниями, начинают дело.

Як. Дитц